

Читайте романы Джулии Вольмут

Лепестки Белладонны

Рассвет в моём сердце

ЦИКЛ «GRAPE DREAMS»

Виноградные грёзы. Найти и потерять

Виноградные грёзы. Обрести и сохранить

Джулия Вольмут

Рассвет
в моём
сердце

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В71

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Оформление серии *Дарья Васильченко*

Иллюстрация на переплете *SHVACH*

Иллюстрация на закладке *Ксении Холь*

Вольмут, Джулия.

В71 Рассвет в моем сердце : роман / Джулия Вольмут. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202225-8

Яна осознанно выбрала одиночество после череды травмирующих событий. Для нее главное — карьера. Но встреча со своим нравственным художником меняет все.

Он называет ее своей музой. Он не принимает отказов. Он нарисует для нее свободу.

Константин разочаровался в себе и в любимом деле. Его мечты о карьере художника обернулись крахом, а болезненный разрыв лишил вдохновения.

Когда он встречается свою музу, в его сердце наступает рассвет.

Достаточно ли искры, чтобы призраки прошлого сгорели в первых лучах солнца?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вольмут Д., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-202225-8

ПЛЕЙЛИСТ

The xx — A Violent Noise

Christina Perri — Head Or Heart (full album)

Bon Jovi — All About Lovin' You

playingtheangel, гнилаялирика — лавбомбинг

Звери — Запомни меня

Bon Jovi — It's My Life

*MOTELBLVCK, наше последнее лето — Стеклан-
ный гроб*

Bon Jovi — You Give Love A Bad Name

Bon Jovi — Livin' On A Prayer

Red — Not Alone

Bon Jovi — Someday I'll Be Saturday Night

гнилаялирика — соседи (prod. by fear magazine)

Bon Jovi — Always

Bon Jovi — She Don't Know Me

Bon Jovi — Postcards From The Wasteland

Red — Start Again

*Я пишу темные истории.
Но эта книга о том, что бывает,
когда наступает рассвет.*

ПРОЛОГ

ЯНА

Никто не понимает,
Почему я не бегу так быстро,
как только могу.

(с) Christina Perri, «Run»

Осень, 2014. Лондон

— Можете идти, мисс... — Детектив-инспектор сделал паузу, всматриваясь в мои водительские права. — Мисс... — Темные брови полицейского соединились на переносице, а густые усы смешно дернулись, как у Рокфора из мультфильма «Чип и Дейл».

Я хохотнула, и обладатель усов нахмурился. Думать о мультике сейчас действительно дико. Защитная реакция? Да, наверное, так.

— Воронцова, — подсказала я тихим голосом. — Воронцо-ва.

— *Вр-р-рнцова*, — протянул детектив-инспектор и отдал мне документы.

Обижаться на коверканье русской фамилии не имело смысла. Удивительно, что англичанин хоть как-то смог ее выговорить.

— Вы свободны, — добавил полицейский и отошел переговорить с констеблем.

Молодой парень, веснушчатый и угловатый, до сих пор не мог прийти в себя после увиденного, и детектив-инспектор по-отцовски положил ладонь ему на плечо. Парень вздрогнул. Он стоял посреди кабинета в окружении дорогой темной мебели, высоких книжных полок и документов, разлетевшихся по ковру, но смотрел только на багровые пятна — они были всюду. Кровь забрызгала кожаный диван, светлые обои, корешки книг...

Я отвернулась. Подташнивало. Констебль пробормотал что-то и выбежал из кабинета. Для молодого служащего это было чересчур, ему бы штрафы за парковку выписывать, а не...

Воспоминания едва не прорвались, чтобы затопить паническим ужасом, но я отмахнулась. Нет во мне больше эмоций. Никаких. И мне жаль этого парня. Именно констебль услышал крики, вызвал подкрепление...

Я натянула на плечи мягкий плед. Хотелось спать, очень. Защитная реакция дубль два? Я посмотрела на документы, которые мне вернул детектив-инспектор: с фотографии улыбалась брюнетка, у нее родинка под бровью, пирсинг в носу, губы бантиком, а также сильно — да, сейчас я это признаю — накрашены серые глаза.

Сверкнула молния, и я посмотрела в окно. Едва узнала девушку в отражении — она совсем не похожа на беспечную девицу из моего паспорта. Бледный

призрак со взлохмаченными темными волосами — вот кто я теперь. Серые глаза под стать лондонскому небу потемнели, утратили блеск. Губы красные, но не из-за помады: разбиты, с багровыми корочками.

Не в силах смотреть на жалкое зрелище, я прислонила руку к лицу — она пахла кровью. За два года в Лондоне я чувствовала запах металла чаще собственных духов, а посмотрев на пальцы, увидела в трещинках коричневые пятна.

«Кровь отмывается плохо», — говорил Доминик. Много раз говорил. Меньше следов — меньше времени, чтобы убрать последствия. «Никто не должен узнать», — вот что еще он говорил. Никто не должен узнать, никто не должен, не должен узнать, никто не, никто.

Я вскочила.

Детектив-инспектор оторвался от заполнения отчета. Он ждал, что я скажу. Впервые с момента, когда полиция приехала по вызову, я произнесу что-то кроме своей фамилии. Язык не поворачивался, горло сдавило. «Мой муж не виноват», — все, что мне следовало сказать. Четыре слова.

Вместо четырех слов произнесла всего два, повторив шепотом фразу детектива-инспектора:

— Вы свободны.

Но облегчения не почувствовала.

КОНСТАНТИН

Сними эти цепи с меня.
Ты держала мое сердце в заложниках.
Милая, освободи его.
Твоя ложь не может скрыть того, что я вижу.
Я лучше останусь один.

(с) *Bon Jovi, «Breakout»*

Осень, 2014. Москва

— Пошла ты! И ты, и твои заказчики, и твоя галерея.

— Костя...

Я скинул ее руку со своего плеча. Случайно задел черно-угольные локоны, и Мария ойкнула. Мое сердце сжалось, и я забыл о гневе, клокотавшем внутри. Сбивчиво забормотал:

— Мария, прости, я не хотел, прости.

Она погладила волосы, словно они были живыми, и сверкнула глазами цвета крепкого чая. Когда улыбка коснулась ее алых губ, мой гнев вернулся. Он пульсировал. Он поднялся по грудной клетке к горлу. Обжег и отрезвил.

Мария снова собиралась меня уговорить! Убедить. Сломать.

Я выругался. Поганое чувство, если сейчас же не уйду, то взорвусь, и ничем хорошим это не закончится. Но разве может стать *еще хуже?*

— Костя, извинись перед Гончаровым.

Да, хуже стать *может*.

Я вцепился пальцами в волосы — они склеились из-за масляной краски: часто дергал их, когда рисовал. Это помогало сосредоточиться, быть в моменте. Наверняка сейчас мои светлые пряди окрашены в яркий цвет.

Я содрал ногтями засохшую краску: темно-зеленая, как мои глаза. Сегодня я рисовал портрет, но не свой, а обрызгшего бизнесмена — ему хотелось вновь увидеть себя молодым. Жалкое зрелище.

— Ты понимаешь, что натворил? — Мария сладко пела, словно сирена, даже отчитывая и пытаясь пристыдить. — Костя...

Я засмеялся. О да, я прекрасно понимал, что натворил. Люди в кабинете подумали: у Константина Коэна поехала крыша. Клянусь кисточками, так и было! Я скромный парень из глубинки. Молодой гений-самоучка, за моими плечами только помощь сельского художника. И я счастлив до усрачки: работаю в столице, в самой известной частной галерее России. Я благодарен меценатам: мое искусство покупают и вешают на стены. Но давно уже не испытываю приятных эмоций от любимого дела. Никаких, честно говоря, эмоций. А сегодня... Сегодня будто кто-то отвесил мне невидимую оплеуху.

И я испортил картину. Мария планировала продать портрет вроде бы за миллион рублей. Не знаю точную сумму, мне достается процент. Но о деньгах я в тот момент не думал. Я увидел заплывшее жиром

лицо бизнесмена, «Ролекс» на его запястье, костюм известной марки явно не по фигуре... и услышал мерзкий голос: *«Что это, Мария? Твой мальчик нарисовал красиво... Но мне хотелось увидеть что-то в стиле художника, как там его... в Милане... на выставке...»*

Привычное безразличие вдруг стало яростью. Внезапной, давно забытой. Я схватил картину и надел ее на голову этому ублюдку. Пусть сам рисует как «в Милане», как «на выставке».

Холст с треском прошелся сквозь лысый череп и осел на шею. Рисунок был разорван точно посередине. Безвозвратно испорчен. А мне нисколько не было жаль потраченных усилий — их и так не ценили. Никому не интересно, сколько души я вложил в свою работу, сколько бессонных ночей потратил на создание уникального портрета *в своей технике*. Им плевать на мои чувства, а значит, я перестану заботиться об их доходах. Гребаные два года я ломал себя, подстраивался, исполнял приказы ради... чего? Мне некогда тратить деньги. Мои суставы болят, а зрение упало: я рисовал по восемнадцать часов в день. Мое сердце...

Я посмотрел на Марию. Мое сердце рвалось галопом, когда я смотрел на нее: оливковая кожа, миндалевидные темные глаза, полные губы, точеная фигура. Она не расставалась с красной помадой и деловыми костюмами. А я не расставался с ней. И подарил ей столько работ, столько денег, столько... себя.

— Пойми, — я смотрел на нее, мою богиню, и просил о снисхождении, — это убивает меня. Все, что ты просишь, все, что я делаю, — голос ломался, крошился, как краска, которую я содрал с волос, — убивает меня.

— Костя... — Она дотронулась до моей щеки.

Я ненавижу ходить небритым и подравнивать недельную щетину, но Мария считала, что так я выглядел мужественнее. Ей нравилось трогать мое лицо, но сейчас прикосновение вдруг показалось раскаленным утюгом, и я перехватил тонкое запястье. Слегка сжал. Мария опять ойкнула, но в этот раз я проигнорировал манипуляцию: я знал, что не причиню ей боль. Никогда не смогу нанести серьезный вред. В отличие от нее, я не был способен играть с чувствами.

Поэтому разжал пальцы и сказал:

— Талант становится тяжелой ношей, когда на нем стремятся заработать. Прости.

— Костя!

Она повторяла мое имя снова и снова. Гипнотизировала. Сводила с ума. Ее нежное «Костя?», когда о чем-то просит, ее с придыханием «Костя...», когда мы в постели, ее требовательное «Костя!», когда она чего-то добивается. Но впервые я не отреагировал. Тогда Мария склонила голову, и пара слезинок сверкнули у основания ее пушистых ресниц.

— Костя, ты ведь делаешь это ради нас. Чтобы нам было хорошо.

Нам? Мне давно не было хорошо.

Марионетка с золотыми руками. Вот кто я. Не гений. Не прорыв. Я инструмент. Подписал контракт — сделку с дьяволом — и верил, что стремительно лечу к успеху. Мне понадобилось два года, чтобы понять: Константин Коэн никогда не был на вершине. Он...

Я был в аду.

Не сказав ни слова, я направился к выходу из кабинета.

— Ты... ты потеряешь все, Константин! — Как холодно и чуждо. Слова ударили в солнечное сплетение. Так разбивается сердце? А голос Марии похож на выюгу: — Подумай, от чего отказываешься. Хорошо подумай.

Я обернулся.

Мария стояла ровно, но притопывала каблуком. Волновалась? Она теряла не только художника, она теряла своего мужчину. Мария скривилась, цокнула языком. Переживала? Или показывала, где мое место?

— Потеряю все, ладно. Зато я буду свободен.

ГЛАВА 1

Но должен же ветер перемениться.
Глядя в окно на мир мечтаний,
Я вижу, как мое будущее ускользает.

(с) Christina Perri, «Burning Gold»

ЯНА

Осень, 2016. Москва

Я ненавидела выходные. Они напоминали о времени, которое я стремилась забыть. Ночные клубы, громкая музыка, липкие тела, алкоголь, *мужчины, похоть...* Я. Совсем другая я. Беспечная. Глупая.

Но мои подруги не знали ту Яну. Каждый субботний вечер они звали меня развеяться, а я стойко держала оборону.

— Яна, пошли! — Настя предприняла очередную попытку уговорить, чтобы я изменила планы. — Какой счастливый человек захочет провести субботу дома? В двадцать три года! В Москве!